

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Берложка 7
2. Сопливая гора 21
3. Шаг с края света 37
4. Ткань 48
5. Мох лимонного цвета 60
6. Черничные руки 71
7. Коровы целуют землю 91
8. Четвероногая тень 107
9. Раёк 130
10. Выход всегда там 154
11. Огненная курица 169
12. Вкус воды 183
13. Гнилой человек 197
14. Цветок папоротника 208
15. Каменная лодка 215
16. Фигура рыбака 231
17. Настоящее время 246
18. Голубка в сияющей чешуе 267
19. Без Дукалиса 279
20. Граница 303
21. Голос 322
22. Сад 342

1

Берложка

После танцев ныла поясница. Я ехала в вагоне метро, застыв возле поручня, и, когда освободилось место, не знала: легче сесть или остаться стоять. Вышла смуглая женщина-фламенко — я любовалась ею уже несколько станций: черные волосы, гордое лицо, тяжелые серьги и пальто до пола. Руки, покрасневшие и опухшие от какой-то грубой работы, резко подчеркивали красоту.

Я все-таки осторожно села на ее согретое место. Почти лысый мужчина рядом обнимал футбольный мяч. Три месяца после развода: все мужчины, способные проявлять ласку, привлекают мое внимание, а потом сразу же вызывают отторжение.

Напротив мальчик, играющий в телефон, громко смеялся и совсем не следил за тем, как выглядит. Красивая девушка читала бумажную книгу, задумчиво водила пальцем по губам. Обложка поверх книги кожаная, плотная — не увидеть ни автора, ни названия.

На Таганке я бережно понесла себя к выходу — двигаться иначе не получалось. Почти лысый муж-

чина с мячом встал тоже и улыбнулся, доставая смятую до комочка упаковку жвачки.

— Будете?

— Нет, спасибо, — я тоже сделала вежливую улыбку, а еще шаг в сторону.

— Ну и хорошо, а то последняя...

С мужем мы расстались по-взрослому: после обычного ужина он сказал мне, что надо пожить друг без друга. Быстро собрал спортивную сумку и ушел, хотя квартира была его.

Я уехала через несколько дней с небольшим чемоданом и уверенностью, что мы скоро помиримся. Разговаривая после этого с мамой по телефону, я сделала вид, что всё в порядке, даже передала мужу привет в то пустое кресло, на котором он мог бы сидеть. Мы обсудили, что скоро празднично поедем в глэмпинг. Важное дело: глэмпинг открыл младший брат Антон, ответственный за семейные успехи.

Я показывала радость. Помню, через открытое окно в комнату влетел жук, удивительный, как капля ртути. Я отвлеклась на жука и потеряла бдительность. Радость рассыпалась: я вмиг почувствовала себя жалкой. Хотелось обнять саму себя, осторожно уложить в кровать, укачивать, что-то нашептывая.

Наверное, всем можно было сказать о расставании вовремя. В конце концов, ничего особенного: раз что-то началось, то, значит, закончится. Мама отметила бы, что я хорошо держусь, — мама в целом умеет хвалить даже папу. После их развода все остались друзьями, и мои родители до сих пор по-

здравляют друг друга со всеми праздниками. Ставят реакцию «огонек» в семейном чате и отправляют мемы. Хоть папа все еще в Санкт-Петербурге, а мама сразу вернулась в Москву, забрав нас с собой. Сказала, что больше не может жить под угрюмым небом. Папа ответил, что вообще-то в Питере небо жемчужное.

Мой муж стал незнакомцем. Через месяц он привез мне оставшиеся вещи и забрал мои ключи от квартиры. Детей у нас не было, прожитые пять лет показались бессмысленными. Первое время я каждый день отправляла ему десятки яростных сообщений — отвратительных до тошноты.

Но все проходит, поле боя зарастает травой. Большой дом исчезает: вот он был, а вот ты живешь в старой маминной квартирке на Таганке, в «берложке», — так назвал ее папа.

После переезда я вела занятия как всегда — четыре группы подряд, — берегла тайну. От преподавания спина не болит. Можно сесть на стул и смотреть, что делают другие, размышляя о своей беде.

Но ирландские танцы нужно танцевать: ступишь хорнпайп ногами в пол — сбрасываешь обиду, танцуешь рил — забираешь из пола радость, а без улыбки не хватит воздуха. Танцуя после занятий самостоятельно, я отбила себе все ноги, тянулась и перетянула спину. Танцоры шутят, что проверяют тела на непрочность: стрельнуло так, что потемнело в глазах, онемела правая нога — видимо, защемило седалищный нерв. Так бывает, на всю школу ни одной здоровой ноги, и уж тем более — головы.

Потом я сидела в пустой раздевалке и смотрела на коробку с оставленными вещами. Забытые вещи танцоров быстро сиротеют, заостряются, как нос у покойника.

Боль елозила туда-сюда: от шеи по позвоночнику, от поясницы через бедро до большого пальца. Напоминала: тело живое, но прилепи-ка, пожалуйста, перцовый пластырь, а лучше выпей таблетки. Сухое тепло, но никак не влажное, осторожное потягивание, колючий шарф, добрый фильм с хеппи-эндом. Избавь меня от страдания, верни все как было.

Я вышла из вагона метро. Поднялась по длинному эскалатору чуть согнувшись и села на электробус. Не знаю, как у многих получается раскладывать время в памяти ровно, слоями, событие за событием.

Когда я открыла входную дверь — на лестницу выбежал кот. Он всегда встречал меня по-собачьи, но сразу же убегал. Я вытряхнула из рюкзака танцевальные вещи кучей: три пары обуви, пластыри, мази, бинты, канифоль, наколенники, голеностопники, черная изолента для заматывания шнурков, чтобы харды сидели плотнее, клей для носков, чтобы не сползали на выступлении. Миллион шпилек, заколок, губок и невидимок, парик и разогревающая мазь с муравьиной кислотой. Сегодня я вытащила всё из своего шкафчика и принесла домой, чтобы перебрать, почистить и излечить.

Заварив чай, села на кухне и вытянула ногу, как капитан Сильвер. Приоткрыла окно — поздний влажный октябрь, пахнуло сладкой землей. Под фо-

нарем блестел то ли снег, то ли капли. С братьями и папой я переписываюсь, с мамой мы чаще всего созваниваемся. Хорошо, что хоть скрывать уже нечего.

— Он не звонил тебе, не писал? — осторожно спросила мама после всех формальных вопросов.

— Нет.

— А ты ему?

— Нет, — я встала и с грохотом достала из-под раковины щетку с совком. — Ну и мы сделали все возможное, чтоб не общаться.

— А что ты сейчас делаешь?

— Хочу подмести.

— Он так и не сказал, что ему не так? — мама увеличивала громкость.

— Не сказал.

— Женья, ну как он похож на твоего отца, вроде бы хороший, но какой же пенек, ты меня прости, — слышно было, как мама разворачивает фантик. — Но отец твой — детдомовец, а у этого что?

— Можно и не обсуждать уже, ничего не меняется. У тебя там карамелька, да? Лимончик?

Мама засмеялась, я почему-то тоже. Мир сбрасывал старую кожу, отшелушивал лишнее: я смела на совок пыль, кошачий ус и несколько кусочков яичной скорлупки.

— Все равно оно к лучшему, точно к лучшему, я тебе говорю, я знаю, — слышно было, как лимончик ударяется о мамины зубы.

— Кроме того, что мне тридцать четыре, — на секунду я застыла с совком над мусоркой.

— Женя, так ну и ладно! Всё так, как надо! Я Антона родила почти в сорок, и дело свое нашла после развода!

Мама действительно разобралась с последствиями развода радикально: пострадав полгода, открыла фонд по восстановлению объектов деревянного зодчества. В августе, когда разводилась я, мама уезжала в какую-то северную деревню, где договаривалась с новыми кровельщиками. Спасала древнюю избу и, кажется, каланчу. Чтобы получить сообщение о том, что все живы, она забиралась на гору, клала телефон в сумку и поднимала ее на шесте.

— Разрушишься хорошенько, а потом как переберешься, — подбадривала мама.

— Да, я читала.

— Нужно время. На все нужно время.

— И это читала. А сколько?

— Ну полгода, а может, год или два. Да и вдруг еще все наладится? — Мама закашлялась. — Поехали в ноябре ко мне работать. Деревня у нас сейчас такая, даже свет есть, правда. Надо переключаться.

— Едем же в глэмпинг — я не могу столько кататься.

— Четыре избы, голое поле, а в центре — храм, красивый и несчастный.

— Ну, я...

— Нет, у тебя, Женя, такой период, который ты преодолешь. А храму четыреста лет: то зерно хранили, то в футбол гоняли. Но ведь не сгнил, выстоял!

— Может, уже зимой поеду, когда снег.

— Зимой не проехать, сейчас всё доделаем и законсервируем. И ноябрь там другой — чистый, сухой, ты же знаешь...

Дождь усилился, и я закрыла окно. Сразу стало слишком тихо — пришлось нажать кнопку чайника. Мама снова зашелестела фантиками.

— Я еще хочу собрать наши старые фотографии. И сфотографироваться точно так же, но уже сейчас. Ты видела в интернете, что так делают?

— Угу.

— Они в шкафу, там есть карельская коробочка белого цвета.

— Да, найду.

— А я нашла нам нового плотника, Васю, — вот с ним сейчас вся работа. Потом Антон устроит его к себе, Вася как раз из Паданов.

— Как раз откуда?

— Где Сегозеро, там, где дом у нас был рядышком, и церковь где моя любимая.

— Поняла.

— У них там произошло такое, — мама вдруг стала говорить тише. — Я все думаю и думаю, тебе Антон не рассказывал?

— Нет.

Мое внимание уплывало: под окнами прошла парочка, державшаяся за руки. Возможно ли счастье без другого человека? Мама затихла, словно чувствуя, что мне важно что-то рассмотреть.

— Ну, так о чем? — я собрала в свой вопрос все оставшиеся для разговора силы.

— Там один рыбак взял сына и соседа, поехал с ними на острова. Доехали, вещи скинули, а дальше с островов уже уехали рыбачить, мы тоже так делали, помнишь? И в один из заходов они оставили мальчика, сами уплыли. И не вернулись. Осень карельская, снег уже лежит, а еще остров, волны вокруг и шторм. Почти неделю ребенок жил один, сейчас в Петрозаводске — в клинике, с обморожением. А рыбаки утонули. Ты представляешь, что вообще мы способны вынести? Ребенок! Один! То ли восемь лет ему, то ли девять. Боже мой, как в аду! Ты не подумай, что я его в пример ставлю, тут у каждого свое горе, конечно...

Мама сделала паузу, словно ждала какой-то моей реакции: возгласа, может быть, или удивления. Жалостливо пискнул правый наушник, попросив подзарядки. Я почувствовала, что пол подо мной покачивается, как на волнах, а ноги мерзнут. Подхватила семенящего мимо кота и насильно посадила на колени. Кот выпустил когти, вырываясь, — у него было время игры, а не ласки.

— С каждым в жизни должно что-то случиться.

— Он построил шалашик, — не сдавалась мама. — Добыл какую-то еду, рыбу, наверно, поймал, ягоды там, мороженые уже, костер разжег, господи... В деревне говорят — увалень увальнем, даже грибы не любит собирать, в телефоне сидит целый день, учится плохо. И я тоже думаю, ну почему его так долго искали? Неужели никто не знал, что уехали? И ведь там такие люди — никогда не бросят, я же знаю. А тут бросили, получается, и еще вот так...

Мамин голос стал тихим и гулким, словно она говорила из колодца.

— Ты тут?

— Антон сказал, что подарит отдых ему и его маме, в самом дорогом домике, после того, как мальчик восстановится...

— А ему это надо?

— Антону?

— Мальчику.

— Женя...

— Ну правда. Что он будет, в глэмпинге в телефоне сидеть? А мама что его там будет делать? В бассейн пойдет?

— Ну, все же отдохнут, перезагрузятся. Я когда думаю, что он там один был, в ледяной буре на клочке земли...

— Это понятно. Но зачем ему глэмпинг? Еще и с видом на озеро?

Я увидела перед собой мамино лицо: она прикрыла глаза, вздохнула и посчитала до какой-нибудь цифры, будто это сможет вернуть спокойствие.

— У отца твоего не получилось, — сухо сказала мама. — А у Антона — все получится, я знаю.

— Мам, ну я вообще о другом, я...

Наушники выключились на полуслове. Стало слышно, как за стенкой тоже кто-то ругается.

После разговора я легла в кровать, выпив обезболивающее, но боль осталась. Тянуло поясницу, бедро, ногу, стопу — невозможно было найти нужное положение. Я села — снова не то. Соседи продолжали

ругаться. Дойдя до кухни, и я поругала кота, что он недостаточно меня лечит, а только охотится на голые ноги. Снова налила чай, травяной, успокаивающий. Посмотрела в окно, накинула пальто на пижаму, намотала шарф гнездом и вышла из дома.

На улице оказалось неожиданно тепло и влажно. По шоссе вдалеке промчался ночной электробус, справа мелькнула мужская тень с собакой на поводке. Кто-то, вероятно у «Пятерочки» за углом, разбил бутылку и закричал. Потом, видимо, пошел туда же за следующей — снова тихо.

Бывший муж сидел в голове квартирантом, пакостно царапая каждую мысль. Иногда ложился в ней спать, но был особенно активен вечером и утром. Я пыталась его убаюкать: ну ушел — будут другие, а вообще, и одной хорошо. Нормально. То, что со мной происходит, — обыкновенно. Банально. Скучно.

Мокрая девятиэтажка рядом была похожа на голландскую вафлю, залитую кленовым сиропом. Я вспомнила, что в детстве мечтала набрести на пряничный домик. Заглядывала во все парковые чаши: представляла шоколадные двери и вафельные стены, посуду из леденцов и кровати-зефиры. Как мне хотелось оторвать кусок домика и съесть его просто так, за бесплатно.

Мальчик на острове тоже о чем-то мечтал. А еще наверняка он ждал, ждал и ждал, что лодка вернется. Может, и сейчас он ждет: так долго не возвращаются, потому что поймали царя всех озерных рыб, да еще и с золотым кольцом в брюхе. Мальчик не ве-

рит, что лодка на дне, не может ведь случиться такой неподъемной беды. С кем угодно, но точно не с ним. И гонит мысли, что сделал что-то неправильно и поэтому остался один.

А еще наверняка было так, что мальчик злился. Он был в ярости, что эти взрослые говнюки его бросили. Он представлял, как будет орать на них, а они начнут извиняться. Потом подмигнут осторожно, поведут рукой, словно фокусники, и вытащат гигантское, во всю лодку, ведро. И скажут, раскрывая зубастую пасть побежденной царь-рыбы: ради этого ты страдал, твое страдание имело смысл. А потом прошел день, и второй, и третий. Пятый, шестой, неделя.

Я оценивающе посмотрела по сторонам: может, не голландская вафля, а белый шоколад «Риттер Спорт». Вот я откусываю его часть, как в старом голливудском фильме. Вот сжираю девятиэтажку целиком вместе с жильцами-орешками и перехожу на карамельные машины вдоль дороги. Машины бьются о зубы. Я всасываю шлагбаум, деревья, сахарных голубей, воробьев из песочного теста и подгоревших черных ворон. Запихиваю в себя электробусы, остановки и Покровский женский монастырь, пятизвездочную гостиницу при нем, магазины, салоны красоты с креслами-пирожками и напоследок сжираю Третье транспортное кольцо.

Кажется, я сжираю всю Москву, Россию, планету: не пережевывая, не выплевывая, не переваривая. Оставляю островок в Мировом океане, торчащее из-под воды колено: берложку, в которой вещицы,

эвакуированные сегодня с трепетом, а еще совок со скорлупками и кошачьим усом. Но сытой не становлюсь.

Одинокая жизнь действовала отупляюще, но я прочитала, что так поначалу всегда. От недостатка движения тело скрючило еще больше: боль затихла, но я не могла разогнуться. Теперь сидеть было нормально, а ходить и лежать — не совсем.

В некоторые нерабочие вечера я выполняла мамино домашнее задание — искала фотографии. Аккуратные коробки — в них прошлое, отсортированное по цветам и годам. Я рассматривала пыльные альбомы, протирала их тряпочкой, расклеивала страницы. Нюхала: все, что имеет запах, живо.

В берложке даже остался дивиди-плеер — удивительный инаковый механизм. Я вставила диск с нашим оцифрованным семейным отдыхом и смотрела, как через слой пепла. Вот Черное море, вот поездки по Золотому кольцу с Ленобластью и даже заграничная Турция в самом начале 2000-х.

Прошлое виделось окаменевшей костью, по которой можно восстановить облик зверя. Сегозеро, Сегозеро: мальчик на острове вспоминает о том, как было хорошо в его Паданах. Когда настоящее кажется неустойчивым, мы становимся путешественниками во времени. Куда угодно — в прошлое или будущее, — но только не здесь. Я разложила перед собой диски — каждый подписан маминым твердым почерком. Я так давно не видела ее почерк, а почерк братьев вообще забыла.

Вот диск, на котором деревенские у Сегозера танцуют хоровод-змейку и закручиваются волшебной спиралью. Крууга: все связаны, а к концу ускорятся, несутся, кто-то с хохотом, а кто-то с ужасом.

Я будто подглядывала за самой собой. Вот красивые, яркие фотографии: у забора сидят серьезные старухи-плакальщицы, нарядные, словно куколки. Одна из них, самая дряхлая, смотрит в камеру настолько пристально, что хочется отвести глаза.

Вот мы всей семьей за круглым столом, в центре которого — банка варенья с летним светом внутри. Особенно видно, что я — старший ребенок, потом средний Лёша и младший Антон. В середине сложнее всего: Лёша не знает, где ему встать, и вот-вот заплачет.

Вот фото, где тощий мальчик лет десяти затягивается сигаретой. Лицо у него разбито. Сегозерский хор выстроился перед каким-то зданием. Мамина любимая церковь без крыши: мы стоим все вместе на ее фоне. Вокруг — метель.

Я ничего не помню. Разве что Сопливаю гору рядом с нашей деревней, потому что смешно: говорили, что эта гора всегда течет и плачет — сопливится. Гора-плакальщица.

Отдельный пакетик — с документами, письмами от друзей и прочими фотографиями. Письма, письма, диплом финалиста в чемпионате по сбору белых грибов. На каждом документе — мамина подпись. Даты, даты, места и люди.

Еще на одной фотографии, где мы все вместе, снова мамин почерк: в годовщину Павлушиной

смерти. На ней мы обнимаемся, а из-за двери, словно из шкафа, выглядывает чье-то лицо. Еще одна фотография: 2003 год, Павлуше было бы четырнадцать.

А сейчас могло бы быть тридцать семь. Каково это, иметь старшего брата?

Я осторожно сложила всё, что рассмотрела, обратно в пакет. Дальше — папка судебных разбирательств, к которой я сейчас не готова. Кот мешал, урчал и теперь требовал ласки. Займись уже делом.

Погладив кота, я достала ручной массажер и стала аккуратно водить по пояснице. Я ничего не знала о муже, ничего не знаю о маме, о папе, о братьях — да я о себе ничего не знаю. Я не могу даже позаботиться о теле, сделать так, чтобы не было больно. Я не могу позаботиться о мыслях и не думать о том, о чем не хочу думать. Я вижу дневную сторону, а ночную прячу под покрывало. Перекладываю ее с края кровати поглубже к шершавой стене. Как только хочу присмотреться — кто-то кидает волшебный гребень, и все на моих глазах зарастает непроходимым лесом.